

В. ШКЛОВСКИЙ

РАССКАЗ О ПУШКИНЕ

Журнально-газетное объединение
Москва — 1937

На обложке помещена гравюра с рисунка Брюллова, изображающая литературный обед на новоселье в книжной лавке Смирдина.

Ответ. редактор Еф. ВОЗУЛЯ Техред. М. ЗЕЛИНСКАЯ

Издатель Журнально-газетное объединение Изд. № 89

Уполномочен. Главлита Б— 11336 Зак. тип. 152 Тираж 50 000

Статфор. А₅—105×148 мм 11/4 п. л. Кол. зн. в 1 п. л. 49.152

Кн. сдана в набор 27/II 1937 г. Подп. к печ. 2/IV 1937 г.

Типогр. и цинкогр. Жургаза. Москва, 1-й Самотечный, 17

РАССКАЗ О ПУШКИНЕ

Предупреждаю своих читателей, что я не занимался специально биографией великого поэта.

То, что я пишу, написано не исследователем, а внимательным читателем.

По отцу Александр Сергеевич Пушкин происходил из довольно знатного, но захудалого дворянского рода.

Родословные русских дворянских домов, вообще говоря, спорны и редко достоверны. Пушкин производил свой род от прусского выходца Радши, выехавшего в Россию при Александре Невском.

Отец Александра Сергеевича Пушкина — Сергей Львович получил хорошее образование.

Это был расточительный и в то же время болезненно скупой человек. У него не хватало внимательности даже на свои собственные дела, зато он усердно занимался чужими. Сергей Львович рано разорился и Александр Сергеевич Пушкин родился в Москве на Немецкой улице в доме, переделанном из какой-то конторы, родился в обстановке бедной и безалаберной.

Со стороны матери Пушкин происхождения африканского. Вот, что писал об этом сам поэт:

«Автор со стороны матери происхождения африканского. Его прадед Абрам Петрович Ганнибал, на 8-м году своего возраста был похищен с берегов Африки и привезен в Константинополь. Российский посланник, выручив его, послал в подарок Петру Великому, который крестил его в Вильне»...

Мать Пушкина в тогдашнем обществе называли «прекрасной креолкой». Она была капризна, вспыльчива и упряма. Сына своего Александра — Надежда Осиповна, так звали мать поэта, не любила.

Обиходным языком в доме был французский. Дядя поэта Василий Львович был известным поэтом того времени с большими литературными связями.

В это время в Царском селе, во флигеле дворца, который освободился после того, когда вышли замуж все великие княжны, было решено открыть императорский лицей на 50 воспитанников.

В пристройке ко дворцу, соединенной со дворцом переходами, должны были воспитываться из дворян будущие крупные чиновники. Царскосельский лицей был открыт в 1811 г.

Благодаря связям Сергея Львовича и Василия Львовича Пушкин был отдан в привилегированное учебное заведение. В лицее учили не плохо, но безалаберно. Среди преподавателей были молодые люди, недавно вернувшиеся из лучшего тогда, Геттингенского университета. Один из преподавателей был брат Марата, месье Будри, принимавший участие в восстании в Швейцарии и бежавший в Россию.

По тетрадкам друзей Пушкина, по их дневникам, видно, чем интересовались лицеисты.

Вильгельм Кюхельбекер составлял словарь для се-

бя, суммируя правила поведения, которыми надо будет руководствоваться в жизни. Вот две выписки из этого словаря:

Р а б с т в о.

«Несчастный народ, находящийся под ярмом деспотизма, должен помнить, если хочет расторгнуть узы свои, что тирания похожа на ярмо, которое суживается от сопротивления. Нет середины: или терпи, как держат тебя на веревке, или борись, но с твердым намерением разорвать петлю или удавиться. Редко, чтобы умеренные усилия не были пагубны».

«Как благородна была бы война, предпринятая против деспотических правительств единственно для того, чтобы освободить их рабов».

Лицейисты ощущали историю. Шли наполеоновские войны.

Большая дорога проложена мимо Царского села.

Царское село, резиденция государя, было полно трепетом, надеждами, неудачами.

Лицей переживал события войны, лицей волновался, обсуждая смену полководцев 12-го года. Лицей хорошо знал дворец, и очень многие лицейисты хорошо умели презирать соседей.

Лицейские сады прекрасны, они украшены памятниками, статуями.

Пушкин мыслил в стихах отрывками мифологии.

Ощущение истории, знание французской предреволюционной литературы, знание классики, воспринятой через мифологию, вырастило Пушкина и определило его первые стихи. Пушкин писал:

. любимые сады
Стоят населены чертогами, столпами,

Гробницами друзей, кумирами богов,
И славой мраморной и медными хвалами
Екатерининских орлов....

История в Царском селе — домашнее дело.

Для молодого Пушкина она была семейным делом, семейным спором.

Среди прудов стоит мраморная колонна. Если подплыть к этой колонне на лодке, то прочтешь надпись о том, как поднимали корабли графа Орлова греков на восстание.

Надпись кончалась так:

«крепость Наваринская — сдалась Бригадиру Ганнибалу; войск Российских было числом шестьсот человек, кои — не спрашивали, многочислен-ли неприятель? Но — где он? — в плен Турков взято шесть тысяч».

Споры народов, вопросы о судьбе своего рода, о судьбе своей страны были обычными мыслями молодого Пушкина.

Он не жил в Царском селе, а спорил с ним.

Учителя находили, что в Пушкине более остроумия, чем глубокомыслия, учился он средне, но на одном из публичных лицейских экзаменов в 1815 г., имел успех, прочитав перед знаменитым поэтом Державиным стихи о Царском селе.

Лицейские годы все-же были счастливейшим временем в жизни Пушкина. Здесь он полюбил поэзию. Память о лицейских друзьях — Кюхельбекере, Дельвиге, Пущине — сопровождала его всю жизнь. Перед смертью, ища опоры, он обращался к тем же друзьям-лицеистам, — его секундантом был Данзас.

9-го июня 1817 года Пушкин получил свидетельство об окончании лицея.

Печататься в журналах, вызывать восторг своими стихами Пушкин начал очень рано. Три зимы провел Пушкин в Петербурге в тяжелых материальных условиях. Квартира его отца была далеко от центра, у Калинкина моста. Туда в мороз, не имея полтинника на извозчика, бегал Пушкин, как вспоминает он об этом в своем письме к брату.

В то время Пушкин уже работал над своей поэмой «Руслан и Людмила» и посещал литературное общество «Арзамас».

Петербургская жизнь Пушкина кончилась катастрофой. Здесь написал он оду «Вольность».

Рассказывают, что написано это стихотворение на Фонтанке, в доме, из окон которого виден дворец, где был убит император Павел Первый:

Самовластительный злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
О жестокой радостью вижу.
Читают на твоём челе
Печать проклятия народы,
Ты ужас мира, стыд природы,
Упрек ты богу на земле.

Когда на мрачную Неву
Звезда полуночи сверкает
И беззаботную главу
Спокойный сон отягощает,
Глядит задумчивый певец
На грозно спящий средь тумана
Пустынный памятник тирана,
Забвенью брошенный дворец —

На рукописи этого стихотворения в строку вставлен нарисованный пером профиль Павла I.

Ода направлена против Александра, которому она угрожала судьбой Павла.

Ода вероятно была написана в 1819 году вскоре после смерти Екатерины Павловны, сестры и любовницы императора Александра.

«Стыд природы» — это указание на кровосмешение.

Предполагалось послать Пушкина в монастырскую тюрьму в Соловки или в Сибирь.

Друзья Пушкина и среди них поэт Жуковский хлопотали о нем, и Пушкина отправили довольно милостиво в распоряжение генерала Инзова, попечителя колонистов южного края. Это объясняется тем, что правительство чувствовало себя не очень уверенным. Та группа, к которой принадлежал Пушкин, группа будущих декабристов — была сильна. Пушкин имел и поддержку общественного мнения, которое уже видело в нем великого поэта. В то же время его считали легкомысленным. Незадолго до высылки был распущен слух — будто бы Пушкин был тайно высечен. Этот способ борьбы с поэтом методом опрачивания его сплетней применялся к Пушкину вплоть до его смерти. Уже молодому Пушкину приходилось мечтать о Сибири, как о средстве спасения чести, он выбирал между самоубийством и преступлением. Друзья успокоили Пушкина, и он уехал на юг.

В Екатеринославе Пушкин заболел, его подобрала семья генерала Раевского, и с нею дальней тогдашней дорогой, — попал Пушкин на Кавказ. С Кавказских вод Пушкин проехал в Крым и ночью на корабле написал великое свое стихотворение: «Погасло

дневное светило». Это стихотворение полно мечтами о бегстве.

Пушкин умел среди несчастья вырывать минуты счастья, он взял от той жизни, которая ему досталась, — все, но жил он очень трудно, и это видно по мечтам о бегстве.

Из Крыма, посетив Бахчисарай, отправился Пушкин в Кишинев. В Кишиневе он жил бедно, ходил в рубище, посещал трактиры, записывал молдованские песни, в то же время писал стихи. Шпионы окружали Пушкина и сообщали правительству каждое его слово.

В это время Пушкин написал много лирических стихов, поэму «Кавказский пленник», подготовил «Братьев разбойников» и «Бахчисарайский фонтан», написал поэму «Гаврилиада».

Пушкин был известен всей тогдашней читающей России; стихи его были везде, ими восхищались, как поэзией и их употребляли, как средство пропаганды.

Из Кишинева послали Пушкина в Одессу. Одесса была большим городом с итальянской оперой, с разноплеменным населением, и в этом смысле положение Пушкина улучшилось.

У него были еще надежды, потому что юг тогда кипел военными заговорами.

Он ощущал русскую революцию, восстание против царя в ряду национальных революций, которые тогда шли в Европе, и он готовил себя, при кажущейся легкомысленности в своей жизни, к роли поэта революции. Из Кишинева писал Пушкин Чаадаеву:

....Учусь удерживать вниманье долгих дум.
Ищу вознаградить в объятиях свободы
Мятежной младости утраченные годы
И в просвещении стать с веком наравне.

В Одессе Пушкин резко столкнулся со своим начальником графом Воронцовым.

Сохранились письма Пушкина о Воронцове:

«Я не могу, да и не хочу напрашиваться на дружбу с графом Воронцовым, а еще менее на его покровительство... Я жажду одного — независимости, я надеюсь обрести ее с помощью мужества и постоянных усилий».

У Пушкина в стихах бывают полуисповеди.

Он писал в стихах о том, о чем никогда не решился бы сказать прозой. В «Евгении Онегине» писал Пушкин:

Придет ли час моей свободы
Пора, пора, взываю к ней,
Брожу над морем, жду погоды,
Маню ветрила кораблей..

.....
Пора покинуть скучный брег
Мне неприязненной стихии,
И средь полуденных зыбей,
Под небом Африки моей,
Вдыхать о сумрачной России.

Конечно, Пушкин мечтал не об Африке, и не о разговорах со своими африканскими родственниками, он мечтал об Европе, адриатических волнах, о странах, воспетых Байроном, думал о Греции, где незадолго до того вспыхнуло восстание.

Граф Воронцов думал о своем спокойствии и торопливо писал доносы. Он писал о том, что главный недостаток Пушкина — честолюбие, что он всего только слабый подражатель Байрона.

«Ежели, — писал Воронцов, — Пушкин будет жить в другой губернии, он найдет более поощрения к знаниям и избежит здешнего опасного общества».

Пушкин получил предписание выехать из Одессы. На этом предписании Пушкин должен был расписаться в следующем:

«Нижеподписавшийся сим обязывается, по данному от г. Одесского градоначальника маршруту, без замедления отправиться из г. Одессы к месту назначения, в губернский город Псков, не останавливаясь нигде на пути по своему произволу, а по прибытии в Псков явиться лично к г-ну гражданскому губернатору.

Одесса. 1824 год.

Коллежский секретарь **А л е к с а н д р П у ш к и н**.

Это была очень суровая высылка. В силу этой бумаги нужно было ехать спешно 1621 версту.

Пушкин приехал в Псков и был отдан своему отцу под надзор в село Михайловское.

Село Михайловское находилось в тогдашней Псковской губернии, в глуши, около Святогорского монастыря.

Маленький дом, старый и бедно обставленный, стоял над обрывом реки; вдали было озеро, кругом леса, не такие большие, как сейчас.

С отцом Пушкин поссорился. Сергей Львович кричал, что Пушкин его бил, потом говорил, что Пушкин его хотел бить, все это угрожало поэту монастырской тюрьмой.

Полосатые от бедных полей холмы псковщины уходили вдаль. Латанные паруса проходили по озеру.

Летом пыль на пустой дороге, осенью пестрый золотой лес и золотые листья на дороге, не перерезанной колеями.

Комната у Пушкина была одна.

Рисуют ее неправильно: художник Ге, изображая приезд Пуштина к Пушкину, рисует ампирные стулья.

Были такие стулья и сидел на них Пушкин, только не дома, а в Царкосельском лицее.

Солнце садилось в тумане, писал Пушкин стихи.

...Давно без крова я ношусь,
Куда подует самовластье,
Уснув, — не знаю, где проснусь...

Зимой заметала все вьюга.

Пушкин держался в Михайловской ссылке крепко.

Но было ему очень трудно. Вот два письма рядом. Оба написанные в начале ноября 24-го года. Пушкин писал брату:

«Пусть оставят меня так, пока царь не решит моей участи. Зная его твердость, и, если угодно, упрямство, я бы не надеялся на перемену судьбы моей, но со мной он поступил не только строго, но и несправедливо. Но, не надеясь на его снисхождение, надеюсь на справедливость его. Как бы то ни было, не желаю быть в ПБ и, верно, нога моя дома уже не будет. Сестру целую очень. Друзей моих также, тебя в особенности.

Стихов, стихов, стихов.

Это пища души. Знаешь ли мои занятия? До обеда пишу записки, обедаю поздно, после обеда езжу верхом, вечером слушаю сказки — и вознаграждаю тем недостатки проклятого моего воспитания. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма! Ах, бо-

же мой. Чуть не забыл. Вот тебе задача: историческое, сухое известие о Стеньке Разине, единственном поэтическом лице русской истории».

И одновременно Пушкин пишет псковскому губернатору:

...«Государь император высочайше соизволил меня послать в поместье моих родителей, думая тем облегчить их горесть и участь сына. Но важные обвинения правительства сильно подействовали на сердце моего отца и раздражили мнительность, протительную старости и нежной любви его к протчим детям. Решаюсь для его спокойствия и своего собственного просить Его Императорское Величество да соизволит меня перевести в одну из своих крепостей».

Родители уехали. В пушкинской ссылке стало тише. Пушкин мечтал о побеге, вел переписку с друзьями. Побег не удавался.

У старого баснописца Хемницера есть басня «Привязанная собака». Вот как кончается она:

«Собака привязи избавиться хотела,
И привязь стала-было рвать;
Не рвется привязь: призть ее... и переела.
Но тою ж привязью опять,
Которой связаны концы короче стали,
Короче прежнего собаку привязали».

Об этой собаке писал Пушкину друг его, князь Вяземский в село Михайловское.

Смирися! — писал Вяземский.

«Право, образумься, и вспомни — Собаку Хемницера, которую каждый раз короче привязывали,

есть еще и такая привязь, что разом уgomонит дыхание».

В другом письме Вяземский писал:

«Перед дружбой не стыдно и поподличать; даже сладостно... Ты любишь в гонении: у нас оно, как и авторское ремесло, еще не есть почетное звание, *ce n'est même pas du tout un état*. Оно — звание только для немногих; для народа оно не существует. Гонение придает державную власть гонимому только там, где господствуют два раскола общественного мнения. У нас везде царствует одна православная церковь. Ты можешь быть силен у нас одной своею славою, тем, что тебя читают с удовольствием, с жадностью, но несчастье у нас не имеет силы ни на грош...

Твое место сиротеет у нас в дружеских беседах и в родительском доме, но в народе не имеешь ты стула тебя ожидающего: у нас никому нет места почетного. В библиотеках отведена тебе первая полка, но мы еще не дожили до поры личного уважения. В государственном человеке уважают кресты и чины, в авторе — его книги, и то еще слава богу; но будь первый без крестов, другой без книг, их забывают и не знают. В дубовом лесу мы не друиды, а свиньи: дубам не поклоняемся, а жрем одни валяющиеся жолуди...

Пушкин по характеру своему, Пушкин, как блестящий пример превратностей различных, ничтожен в русском народе: за выкуп его никто не даст алтына, хотя по шести рублей и платится каждая его стихотворческая отрывка. Мне все кажется, что служишь чему-то, чего у нас нет. Дон-Кихот нового ро-

да, ты снимаешь шляпу, кладешь земные поклоны и набожничаешь перед ветряною мельницей, в которой не только бога или святого, но и мельника не бывало».

Пушкин чувствует себя во главе своего народа, но ближайшее окружение, его друзья, его выдали — и в этом трагедия, которая происходила в селе Михайловском.

В Михайловском писал Пушкин «Бориса Годунова» и главы из «Онегина». Перед восстанием декабристов Пушкин собирался ехать в Петербург и написал собственноручно себе паспорт на имя дворового соседней помещицы. На полях черновика документа он нарисовал себя в шляпе, потом переделал шляпу в лакейский костюм. Он хотел удостовериться, похож ли он на лицо, за которое собирался себя выдать. После известия о неудаче восстания, Пушкин сжег много бумаг, писем. Он ждал ареста.

Из своих записок он сохранил только несколько листов. Сам Пушкин не оказался замешанным в заговоре, но стихи его находили у всех арестованных. Он написал, однако, письмо с просьбой об изменении своей участи. Друзья находили письмо холодным и сухим. Третьего сентября 1826 года Пушкин был вызван в Псков и отсюда направлен прямо с фельд'егерем в Москву. Пушкин был убежден, что его отправляют в Сибирь. Говорят, что рассчитывая на встречу с Николаем перед об'явлением приговора, он приготовил обличающие царя-вешателя стихи, — окончание стихотворения «Пророк».

Пушкина везли стремительно. В Москве он был уже 8-го сентября, и сразу с повозки был вызван

к государю. В это время Николаю надо было уменьшать количество врагов, нужно было сговариваться с оставшимися в живых.

Пушкин разговаривал с государем уверенно, во время разговора оперся о стол.

Николай обещал ему быть его цензором, освободить его от обычной цензуры.

В театре публика принимала Пушкина как победителя. Но скоро открылось то положение, в которое он попал.

Поэт привез с собой драму «Борис Годунов». Драма была передана на цензуру царя, царь, как теперь это выяснилось, передал ее на цензуру журналиста и сотрудника III отделения Фаддея Булгарина.

Фаддей Булгарин составил доклад о пьесе, и на основании этого доклада Николай предложил переделать пьесу в роман.

Шесть лет боролся потом Пушкин за право напечатать свою вещь.

26—27 гг. провел Пушкин в Москве. Его стихи (стансы) начинающиеся словами «В надежде славы и добра гляжу вперед я без боязни», заключают в себе как бы условия договора с правительством. Одновременно Пушкин написал «Послание», обращенное к декабристам.

Во глубине сибирских руд,
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье

Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,

Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

В 27 году разрешено было Пушкину вернуться в Петербург. Петербург стоял пустым, все места, где говорил и думал Пушкин были разорены. 120 друзей Пушкина были на каторге. Пушкин уехал в село Михайловское, там начал писать исторический роман. Зимой вернулся в Петербург.

Оказалось, что положение гораздо хуже, чем думал поэт. Он получал выговоры от государя через Бенкендорфа. Пушкин хлопотал об отъезде за границу, просил разрешения поехать в Китай и получил отказ.

Еще раз попытался уехать Пушкин. Без разрешения поехал он в действующую армию, на турецкий фронт.

В синем плаще ездил он без оружия на передовых позициях. По дороге он встретил тело Грибоедова, убитого в Тегеране во время восстания. Может быть Пушкин искал на фронте возможности перехода границы.

Существует вещь Пушкина «Путешествие в Арзрум». Вещь эта вызвала недовольство правительства. Вот что в ней, между прочим, рассказывается.

«Вот и Арпачай, сказал мне казак. Арпачай! наша граница! Это стоило Арарата. Я поскакал к реке с чувством неизъяснимым. Никогда еще не видел я чу-

жой земли. Граница имела для меня что-то таинственное; с детских лет путешествия были моею любимой мечтой.

Долго вел я потом жизнь кочующую, скитаясь то по Югу, то по Северу, и никогда еще не вырывался из пределов необъятной России. Я весело в'ехал в заветную реку, и добрый конь вынес меня на турецкий берег. Но этот берег был уже завоеван, я все еще находился в России»...

Он находился в России, в России надо было жениться, в России надо было служить.

Бездомный Пушкин казался опасным правительству. Человек должен был служить и иметь семью.

Растерянно готовится Пушкин к женитьбе. Пушкин писал: «Я женюсь, т. е. жертвую своей независимостью, моей беспечной, прихотливой независимостью, странствованиями без цели, уединением и непостоянством».

После ряда ухаживаний и нерешительных увлечений Пушкин сделал предложение красавице Наталии Гончаровой, женщине из разорившейся семьи.

Здесь он получил согласие и уже после сговора написал матери и невесте письмо, в котором предсказывал свое будущее:

«Если она согласится отдать мне свою руку, я увижу в этом лишь доказательство спокойного безразличия ее сердца, но окруженная восторгами, поклонением, соблазнами, это спокойствие будет ли в ней длиться и впредь? Ей скажут, что единственно несчастный жребий помешал ей составить другие связи, более равные, более блестящие, более достой-

ные ее... И не почувствует ли она ко мне отвращение?

Быть вынужденным умереть, чтобы ее оставить вдовою, блестящей и свободной выбрать нового мужа — эта мысль ад».

Женитьба увеличила расходы Пушкина, он быстро начал входить в долги. Тут его постигло еще одно несчастье. Никогда Пушкин не писал лучше, чем в это время и в то же время Пушкин потерял популярность. Об этом хорошо рассказывает Белинский:

«В то время, как он уже сам беспощадно смеялся над первыми своими поэмами, его добродушные поклонники еще бредили Пленником, Черкешенкою, Заревою, Мариною, Гиреем, Братьями-Разбойниками и только по какой-то робости похваливали «Цыган», или боясь компрометировать себя, как образованных судей изящного, или детски восхищаясь песнею Земфиры и сценою убийства. Явный знак, что «Пушкин уже перестал быть выразителем нравственной настроенности современного ему общества, и что отселе он уже явился воспитателем будущих поколений. Но поколения возникают и образуются не днями, а годами, и поэтому Пушкину не суждено было дожидаться воспитанных его духом поколений, своих истинных судей. «Цыганы» произвели какое-то колебание в быстро возраставшей до того времени славе Пушкина; но после «Цыган» каждый новый успех Пушкина был его падением — и «Полтава», последние и лучшие две главы «Онегина», «Борис Годунов» были приняты публикою холодно, а не-

которыми журналистами с ожесточением и оскорбительными криками безусловного неодобрения».

Это значило, что водевилисты писали куплеты о Пушкине:

И Пушкин нам наскучил
И Пушкин надоел,
И стих его незвучен,
И гений охладел.

Время было тяжелое. Время было против него.

В 1832 г. книгопродавец Смирдин перенес свой магазин на Невский. Это было большое литературное событие.

Пушкин всегда радовался всему, что расширяло круг читателей.

Новая книжная лавка, новые печатные станки, журналы, были нужны ему, потому что это давало ему независимость, ставило его на службу непосредственно России.

До читателя добраться было трудно.

Русская книга еще была незнакомкой, так называл ее Сенковский во вступительной статье к альманаху «Новоселье».

Вот разговор в книжной лавке так, как представлял себе этот разговор Сенковский: «Извините, сударыня, все экземпляры Онегина разобраны. — Так дайте мне «Угнетенную невинность» или «Поросенка в мешке».

Книги, которые здесь упомянуты, действительно существовали. Они написаны были Александром Орловым.

На вечере, в новой лавке собралось много народу. Лавка была по тогдашним временам роскошна:

шкафы из красного дерева. Хозяин был гостеприимен и даже подобострастен. Сохранилась гравюра, изображающая этот знаменитый вечер новоселья.

На фоне книжных полок стоит стол, до полу покрытый скатертью. За столом сидят Булгарин, Шаховской, Вяземский, в глубине виден Пушкин.

Отодвинувшись от стола, на первом плане сидит тяжелый, толстый Крылов. За ним стоит в позе слуги Смирдин.

Правее Крылова, тоже на первом плане, в вицмундире, с салфеткой в левой руке и с бокалом в правой стоит Греч. Он что-то говорит.

Крылов и Пушкин смотрят на Греча: Пушкин рассеянно, Крылов недовольно.

На заднем плане, среди гостей, довольное лицо сидящего Булгарина. Так зарисовал эту сцену Брюлов.

Мы знаем разговор, который здесь произошел, и разговор этот чрезвычайно важен для понимания времени.

Разговор записан неким Лобановым, человеком, против которого Пушкин выступал очень резко.

Лобанов записал:

«В просторной зале, которой стены уставлены книгами, это зала чтения, накрыт был стол на восемьдесят гостей». Греч провозгласил тост. «Здравие государя императора, сочинителя прекрасной книги: Устав цензуры».

Потом по старшинству лили за Крылова, но Иван Андреевич положил руку на стол, встал и сказал: «Здоровье Пушкина».

Лобанов перебил его, возгласив: «Здоровье Василия Андреевича Жуковского».

Жуковский сидит здесь же, между Пушкиным и Крыловым. Жуковский был имя нейтральное и в силу своей нейтральности, выдвигаемое враждебно против Пушкина.

И здесь, за столом шел спор о литературном старшинстве, о том, для чего существует литература.

И кто первое имя в ней.

Между Крыловым и Пушкиным, как ни далеки эти люди были друг от друга, спора не было.

Пушкин любил и понимал Крылова, как народного писателя. Он писал о нем много раз. Стал народным в еще большем значении этого слова сам Пушкин. Это понимал Гоголь, это понял Белинский.

Переросший свое время Пушкин стал чуждым своему непосредственному окружению.

Росли долги. На счетах в сотни и тысячи рублей появлялись надписи, что заплочено 25 р., такого числа будет заплочено столько-то и снова надписи.

Долги росли.

Пушкин жил на Мойке, мимо ездил Николай Первый, по-своему красивый и по-своему влюбленный в Натали.

Поэт ничего не мог с этим сделать.

Для того, чтобы Натали Пушкина могла танцевать на придворных балах — Пушкину дали придворный чин камер-юнкера.

Он должен был сопровождать свою жену на балы, должен был занимать деньги у правительства и убеждаться в том, что зависимость хуже опалы.

Пушкин хотел снова добиться независимости.

Незадолго до смерти он стал издавать свой журнал, журнал не шел...

Но и в это время Пушкин был верен идеям декабризма до конца.

В 27 году он напечатал в литературной газете анонимно стихотворение «Арион», в котором он говорит о себе, как о члене декабристского коллектива, как о человеке, оставшемся верным делу декабристов.

«Нас было много на челне;
Иные парус натягали,
Другие дружно упирали
В глубь мощны веслы. В тишине
На руль склонясь, наш кормщик умный
В молчаньи правил грузный челн;
А я — беспечной веры полн,
Пловцам я пел... Вдруг лоно волн
Измял с налету вихорь шумный...
Погиб и кормщик и пловец! — —
Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою,
Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою.

Пушкин получил разрешение на издание журнала с большим трудом.

С ним торговались. Разрешали ему альманах, а не журнал.

Пушкин находился в тисках. Он был окружен шпионами.

Пушкин не верил почте. Но вот, что он пишет Плетневу в октябре 1835 г. «Ты требуешь имени для альманаха: назовем его «Арион» или «Орион»; я люблю имена, не имеющие смысла».

Пушкин не уступал. Полный веры, давно уже не беспечный, он пел прежние гимны.

Пушкин собирал материалы для истории Пугачева. Одновременно Пушкин начал писать не напечатанный при его жизни рассказ «Дубровский». В «Дубровском» описывается судьба молодого дворянина, ушедшего в разбойники. Не dokonчив «Дубровского» и продолжая интересоваться историей Пугачевского восстания, Пушкин начинает писать «Капитанскую дочку». В первом замысле героем должен был быть не Гринев, а Шваневич — дворянин, приставший к Пугачеву. Впоследствии Шваневич «раздвоился» на Гринева и Швабрина. Но Гринев в «Капитанской дочке» с симпатией относится к Пугачеву.

Правда, гибнет от руки пугачевцев комендант Миронов, отец Маши, но вешает Миронова безухий башкирец, которого пытал перед этим в застенке старый комендант.

Не нужно думать, что Пушкин был на стороне пугачевцев. Но рост его привел к такому взгляду, когда полубессознательно он видел правоту восстания, в то же время боясь его. Для истории Пугачева Пушкин поехал зимой в Оренбургские степи.

Пушкин записывал рассказы казаков о восстании. Многие были введены им в текст книги, вот один из эпизодов:

«Жены и матери стояли у берегов, стараясь узнать между ими мужьев и сыновей. В Озерной старая казачка (Разина) [целый] каждый день бродила над Яиком, клюкою пригребая к берегу плывущие трупы и приговаривая: не ты ли, мое детище? не ты

ли, мой Степушка? не твои ли черны кудри свежа вода моет? и видя лицо незнакомое, тихо отталкивает труп».

На полях в рукописи перед этим местом Николай Первый написал собственноручно: «лучше выпустить, ибо связи нету с делом».

Пушкин не мог быть историографом царя, потому что он доходил в изображении действительности до объективности.

Зимой 1834 г. Пушкин напечатал в «Библиотеке для чтения» Смирдина стихотворение «Гусар» и «Пиковую Даму». Вещь имела успех, но не могла поправить денежных дел Пушкина. В это время семейные дела Пушкина чрезвычайно осложнились. За женою Пушкина ухаживал Дантес — французский дворянчик, убежавший от революции 30-го года. Молодой кавалергард Дантес одинаково нравился мужчинам и женщинам. Голландский посол барон Геккерен говорил, что он усыновил француза.

Пушкин записал в июне 1834 года:

«...я не должен был вступать на службу и что еще хуже опутать себя денежными обязательствами. Зависимость, которую налагаем на себя из честолюбия или из нужды, унижает нас».

В это время Пушкин жил очень беспокойно. Дантес давал все поводы к ревности.

Пушкин вызвал Дантеса, но тот совершил неожиданный вольт, об'явив, что он ухаживает не за женою Пушкина, а за ее сестрой. Пушкин был в бешенстве, но сделать ничего не мог. Брак Дантеса со свояченицей Пушкина состоялся. Молодой кавалергард на правах родственника мог встречаться с Ната-

лией Николаевной. Пушкин получал анонимные письма. Письма эти шли из кругов, близких ко двору.

Возможно, что сам Дантес не был любовником Натали Пушкиной, он был ширмой, загораживающей любовные увлечения Николая, подставным лицом. Здесь Пушкин ничего не мог сделать. Осталось одно — идти на дуэль не для того, чтобы убить Дантеса, а для того, чтобы вызвать скандал, для того, чтобы заставить выслать себя в село Михайловское. Пушкин жаждал перемены участи любой ценой. Это был его план побега.

Жизнь была невыносима, невыносим был камер-юнкерский мундир, который заставляли носить.

В Петербурге происходили празднества. Гвардия поднимала огромную Александровскую колонну. Пушкин бежал в Москву для того, чтобы не присутствовать при этом торжестве. В это время писал Пушкин, споря с временем, стихи «Памятник»...

Утром 27 января 1837 г. Александр Сергеевич Пушкин весело встал в восемь часов.

Дело, которое его мучило, приближалось к концу.

Пушкин был очень одинок, у него почти не осталось друзей.

Семейная история его была разглашена по городу, нужно было драться не для того, чтобы отомстить или спасти честь, а для того, чтобы ответить ударом на удар, опозорить врагов и сделать для Николая невозможным пребывание поэта при дворе.

Оскорбительное письмо к голландскому послу было оглашено.

После дуэли Пушкина ожидала высылка в деревню или в Сибирь.

Для него сейчас это было — воля.

Но для дуэли необходим был секундант.

Секунданты должны были присутствовать при поединке и свидетельствовать, что он происходит правильно.

Дантесу было легко. Дантес был иностранным подданным, высылка для него могла быть только высылка за границу, его секунданты не отвечали перед русским правительством.

Пушкин секундантов найти не мог.

Он искал их ночью на балу, приглашал в секунданты знакомого англичанина, — получил отказ.

Случайно встретил он старого своего лицейского друга, полковника Данзаса.

Данзас, несмотря на то, что принимал участие во многих штурмах и раненым оставался в строю и находил мосты под огнем, карьеры не сделал, остался вечным полковником.

К нему обратился Пушкин. Данзас согласился сразу.

Пушкин ждал прихода друга.

Было с кем ехать решать дело жизни.

Раннее утро. Сидел Пушкин в кабинете, перебирал бумаги, написал письмо к детской писательнице Ишимовой, приготовил книгу, перевод которой хотел ей поручить, сам упаковал эту книгу.

Потом Пушкин перешел в гостиную. Окна комнаты выходили на Мойку.

В этом месте от Мойки отходит к Неве короткая зимняя канавка, вода в Мойке поэтому здесь хорошая, около проруби много людей с ведрами, водовозы по крутому скату на санках вывозят воду на набережные.

День солнечный, ветреный.

В 11 часов Пушкин за окном увидал Данзаса.

Весело он пошел к нему навстречу, повел к себе в кабинет.

Данзас был моложав и бодр. Они коротко поговорили, и Данзас уехал куда-то ненадолго.

Пушкин остался один, разделся, вытерся одеколоном, вымылся, надел чистое белье. Если ожидаешь раны — нужно иметь чистую кожу.

Вероятно Данзас поехал за пистолетами.

Пушкин вышел в гостиную.

За окном в зимнем небе виден был ангел на новой еще розовой колонне, поставленной в честь Александра.

В передней Пушкин надел длинную, уже поношенную бекешу, вышел из дома, потом вернулся и надел шубу: шубу легче скинуть.

Из дома он пошел пешком по набережной; дошел до Невского, перешел Полицейский мост. Здесь, в угловом доме с колоннами была кондитерская Вольфа, здесь дожидался его Данзас.

Друзья сели в извозничьи сани и поехали по направлению к Троицкому мосту.

Существует известие, что полиция знала о предполагавшейся дуэли, но жандармы были посланы в другую сторону.

Небо было золотисто-розового цвета; оно перемежалось голубыми облаками подымавшегося из труб дыма. Розовый цвет неба дымился с Выборгской стороны голубым туманом, строения Петербургской стороны просвечивали в тумане, скрывавшем их неказистую наружность.

На той стороне, невысокая деревянная Троицкая церковь казалась наклеенной на розовую материю.

Только шпиг Петропавловской колокольни прорезывал золотой чертой туман.

Менялась погода: утром было два градуса, сейчас похолодало и ветер не мог убрать туман с петербургских улиц.

На Дворцовой набережной катались.

Пушкин с Данзасом встретили много знакомых.

В коляске с наемными лошадьми проехала жена Александра Сергеевича, Наталья Николаевна, с прекрасными близорукими глазами.

Она не увидела Пушкина, а он смотрел в ее сторону.

Через Неву ехали по льду мимо невысоких гранитных стен Петропавловской крепости.

Знакомые стены, знакомый шпигль, — их часто рисовал Пушкин.

Здесь казнили декабристов, здесь сидели друзья.

Здесь мог сидеть и сам Александр Сергеевич.

Зимняя дорога через лед подходила совсем близко к стенам.

Пушкин спросил Данзаса, шутя:

— «Ты не в крепость везешь меня»?

— «Нет, — отвечал Данзас — «через крепость на Черную речку самая близкая дорога».

Начались занесенные снегом огороды и сады Петербургской стороны.

По дороге увидели сани с Дантесом и его секундантом...

Вместе под'ехали к Комендантской даче у Черной речки. Оставили сани и пошли пешком.

Ветер усилился; пришлось искать для поединка место, защищенное небольшой рощей.

Погода была ясная, ветреная, снег лежал рыхлый и глубокий. Уже было половина пятого.

Секунданты протаптывали дорожку в аршин шириною и в двадцать шагов длины.

Противники должны были стать на расстоянии двадцати шагов друг от друга и в пяти шагах для каждого от барьеров, расстояние между которыми равнялось десяти шагам.

Вместо барьеров положили шинели.

Пушкин сидел на сугробе и смотрел на роковые приготовления равнодушно.

Секундант Дантеса Д'Аршиак и Данзас зарядили каждый свою пару пистолетов и вручили их противникам.

Пушкин торопил приготовления.

Сигнал к началу поединка был дан Данзасом: он махнул шляпой.

Противники начали сходитьсь. Пушкин сразу подошел почти вплотную к своему барьеру; Дантес сделал четыре шага и не доходя до барьера, выстрелил. Пушкин упал лицом на шинель, сказал: «Я ранен».

Его пистолет увяз в снегу так, что дуло наполнилось снегом.

Данзас подошел к Пушкину.

После нескольких минут молчания и неподвижности Пушкин приподнялся, опираясь на левую руку, и сказал: «Подождите, я чувствую в себе достаточно сил, чтобы сделать свой выстрел».

Дуэльное оружие примитивно и крупного калибра.

Промахи, осечки при таком оружии бывали очень часто, но раны, причиняемые этими огромными свинцовыми пулями, были ужасны.

На дуэль обычно привозили два ящика пистолетов. Пушкину дали второй пистолет.

Дантес стоял боком, заслонившись пистолетом, который он поднял дулом вверх. Опершись левой рукой о землю, Пушкин стал прицеливаться и выстрелил.

Дантес упал. Пушкин бросил пистолет вверх и закричал «Браво!»

Пуля пробила руку Дантеса и скользнула, как говорят, по пуговицам мундира.

В полицейском дознании сказано, что Дантес ранен в правую руку навылет и получил контузию в живот.

Пушкин стрелял в десяти шагах, поэтому ранение Дантеса странно: то ли заряд не был полным, то ли на теле Дантеса были какие-то металлические пластинки.

Пуговицу пуля вонзила бы на таком расстоянии в тело, потому что диаметр пуговицы меньше диаметра пули дуэльного пистолета.

Пушкин впал в полуобморочное состояние.

Разобрали забор: извозчики под'ехали по сугробам к тому месту, где лежал раненый.

Александр Сергеевич был ранен в живот, при таких ранениях нужно оставлять человека неподвижным; раны эти чрезвычайно опасны, но заживают они, если их не тревожить, быстро.

Пушкина подняли, поднесли к саням. Он спросил:

«Я его убил? Ему ответили: «Нет, он ранен в руку и грудь».

«Странно, — сказал Пушкин — «я думал, что мне доставит удовольствие убить, но чувствую теперь, что нет. Впрочем все равно, как только мы поправимся, мы начнем снова».

Сани ехали по сугробам.

Пушкин очень страдал, но не жаловался.

У Комендантской дачи стояла карета, присланная приемным отцом Дантеса, голландским послом бароном Геккереном.

Пушкину не сказали, что это карета врага.

Дорогой Пушкин разговаривал с Данзасом и рассказывал ему анекдоты. О том, что он ранен очень серьезно — Пушкин знал.

В дороге Пушкина начало тошнить. Это очень скверный признак при такого рода ранах.

К шести часам вечера карета подехала к дому на Мойке.

Пушкин попросил Данзаса пойти вперед и предупредить жену, что он ранен не опасно.

Вышли люди, камердинер поднял Пушкина на руки, внес на невысокую лестницу на руках.

«Грустно тебе нести меня?» спросил его Пушкин.

Его внесли в кабинет, — это не очень большая комната, с окнами на двор.

Кабинет был обставлен разнокалиберной мебелью.

Полки с книгами шли по стенам, выходили на середину комнаты и перегораживали ее.

Среди книг стоял диван, на который положили Александра Сергеевича.

Пушкин закричал твердым голосом, чтобы жена не

входила, что положение не опасно — он ранен в ногу.

Пришел домашний врач, спросил Пушкина: не хочет ли он проститься с друзьями.

Пушкин приподнял голову, бросил взгляд на стены.

Книги рядами стояли на полках.

Пушкин сказал книгам: «Прощайте, друзья».

Вызвали придворного врача Арендта.

Пушкин попросил Арендта передать государю, что Александр Сергеевич очень просит не преследовать его секунданта Данзаса.

Начали съезжаться друзья.

Арендт приехал ночью, привез какое-то письмо от царя, показал и увез обратно.

Пушкин просмотрел бумаги, сжег несколько документов, составил список своих долгов. Рядом с ним сидел друг его, писатель и исследователь сказок Даль.

Тоска и боль одолевали Пушкина.

Даль сидел рядом и говорил ему:

«Не стыдись своей боли, друг, стонай, тебе будет легче».

Пушкин ответил отрывисто:

«Нет, не надо стонать, жена услышит и смешно же, чтобы этот вздор меня пересилил, не хочу».

Пушкину поставили промывательное, — это увеличило боли. Он просил дать ему пистолет, чтобы он мог застрелиться.

Потом ему дали опиум.

Пушкина лечили так, как тогда было принято. Но нужно сказать, что ему дали два противоречивых ле-

жарства: опиум, который вяжет желудок и ослабляет перистальтическое движение кишек и одновременно сделали промывание и дали касторку.

Пушкин попросил предупредить его жену, что положение опасно. Он боялся, что Наталья Николаевна будет слишком спокойна, и от этого пострадает ее честь.

Передняя уже была полна приходящих, на улице толпился народ.

Приходилось на дверях вывешивать бюллетени о состоянии здоровья Пушкина.

К полдню 28-го положение несколько улучшилось; руки Пушкина стали теплее, пульс явственней.

Воспаление брюшины не последовало у Пушкина, как результат ранения, оно произошло, как результат неверного лечения: касторки и зондирования раны.

Жизнь Пушкина не нужна была двору. С Пушкиным торговались только о том, как он должен умереть.

Государь велел передать Пушкину, что он позаботится о семье и детях Пушкина, если поэт умрет христианином. Пушкину ставили последние ультиматумы.

В Петровской Руси приходили еще раз допрашивать людей, лежащих на колесе с раздробленными костями.

Жуковский переделывал и дополнял слова Пушкина.

Пушкина превращали в верноподданного помещика из села Михайловского, который должен быть похоронен в семейственной своей церкви.

... Те люди, которые говорят сейчас о его «сервизме», то-есть лакействе Пушкина, идут по стопам людей, которые похитили когда-то тело поэта и подделали его предсмертные слова.

Они идут по следам Достоевского, который на всю жизнь Пушкина ответил словами: «Смирись, гордый человек».

Так говорили Пушкину и при жизни.

Но лгут те, которые говорят, что поэт смирился.

Набережная была запружена толпою, невиданной для Петербурга. Преобладали скромно одетые люди. были даже люди в тулупах.

У дверей поставили военную охрану от Семеновского полка, чтобы не пропускали посторонних.

«Сюда могут пройти только друзья Пушкина», говорил швейцар.

Какой-то бедно одетый человек ответил: «Вся Россия — друзья Пушкина».

Пушкин перед смертью попросил морошки. Послали в лавочку, в которую и так были много должны, взяли морошку на книжку.

Жена накормила Пушкина морошкой с ложечки.

Пушкин погладил ее по голове и сказал:

«Ну, ничего, все хорошо, славу богу».

Даль сидел рядом с Пушкиным.

Помочь он не мог. По образованию он был терапевт, по медицинским своим убеждениям — гомеопат, хирургии не знал.

Пушкин уже бредил; он сжимал руку Даля и говорил ему:

«Ну, подымай же меня, пойдем. Да выше, выше, ну пойдем».

Потом он пришел в себя и сказал Дально:

«Мне было пригрезилось, что я с тобою лезу вверх по этим полкам с книгами и голова закружилась».

Минут за пять до смерти он попросил повернуть его. Его повернули.

«Хорошо, сказал он — и потом прибавил — «Жизнь окончена».

«Да, кончено», сказал Дально, «мы тебя поворотили».

«Кончена жизнь, — ответил Пушкин — теснит дыхание».

Руки остывали, стыли пальцы на ногах, дыхание все медленней.

Пушкин умер.

Вбежала жена, рассыпав по плечам завитые свои кудри, — кричала:

«Пушкин, Пушкин, ты жив!»

Она называла его не по имени.

Пришли жандармы, опечатали бумаги, запечатали рабочую комнату черным сургучом.

Поэт Василий Жуковский, плача, готовил для государя отчет о смерти Пушкина.

Он писал, что Пушкин умер примиренным, благословляя императора.

Жуковский знал, что у Александра Сергеевича много долгов, денег в доме нет, нужно устроить семью; устроить может только царь.

И после смерти Пушкин не вырвался из плена.

Мускулистое, крепкое тело Пушкина вымыли, одели в старый фрак, положили в гроб.

Это было уже преступление, с точки зрения царя. Поэт и в гробу должен был лежать в придворном

мундире и в перчатках: считалось, что он еще не дослужил.

Долги, впрочем, было приказано заплатить.

Узкая набережная Мойки была запружена народом. Люди стояли уже несколько дней.

Пройти к гробу можно было только по протекции.

Около гроба стоял старый художник Бруни и рисовал покойника.

Во дворце беспокоились. Николай писал сестре своей Анне Павловне за границу:

«Пожалуйста, скажи Вильгельму, что я обнимаю его и на этих днях пишу ему. Мне надо много сообщить ему об одном трагическом событии, которое положило конец жизни весьма известного Пушкина-поэта, но это не терпит любопытства почты.»

О смерти поэта царь имел тайну, которую он не доверял бумаге.

Все население Петербурга, исключая двора, страстно жаждало отомстить Дантесу. Говорили о заговоре, говорили, что один иностранец ранил Пушкина, а другой лечил его так, что он умер.

Пушкин принадлежал к приходу Исаакиевского собора. Там его и хотели отпевать. Но Исаакиевский собор огромен, туда бы пришла толпа.

Гроб поставили в маленькую церковь Конюшенного ведомства.

3-го февраля ст. ст. в 10 часов вечера тело Пушкина было похищено из Конюшенной церкви.

Гроб отправлен в ссылку, его похищали у славы.

Друзья были растеряны. Они не понимали, что происходит вокруг них, отчего так грозно взволно-

ван город, отчего так много жандармов вокруг; они не понимали, что еще, кроме смерти, отдаляет их от Пушкина.

Жандармы взяли гроб, поставили в ящик, обернули ящик в рогожу.

На улицах были патрули.

Ящик поставили на дровни.

Поэт и царедворец Жуковский выбежал на улицу.

Была полночь. Сани с места тронулись рысью.

Жуковский стоял на полукруглой Конюшенной площади.

Светила луна над Петербургом, как над балладой. Сани скрылись за углом.

Дровни с гробом сопровождались жандармами. Они бежали к заставе, выехали на дорогу, где верстовые столбы, похожие наobeliski.

Сани мчались: ссыльных везли всегда быстро.

Гроб засыпали соломой.

Жандармы суетились на почтовых станциях, спрашивали курьерских лошадей.

Мертвый мчался зимними прямыми дорогами.

При гробе состоял чиновник А. И. Тургенев.

Гроб прибыл к Святогорскому монастырю ночью. Ночью вызвали священника, ночью копали могилу.

В шесть часов утра жандармы пришли в монастырь. Могила еще не была вырыта.

Ранним утром закопали Пушкина, поставили крест и на нем написали одно слово «ПУШКИН».

Так хотели похитить поэта у славы, лишить его памяти, превратить его в помещика, мирно похороненного в имении, которое царь очистил от долгов.

Поручик барон Геккерен был выслан за границу.

В эпоху Наполеона III он был французским сенатором. Натали Пушкина в 44 году вышла замуж за графа Ланского.

БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК“

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ

- М. Горький — Письма к рабочим и писателям (три книги,
Ник. Вирта — Поездка в Дворики
Проза молодых ленинградских писателей книги
П. Панченко — Стихи об Испании
Бела Иллеш — Все дороги ведут в Москву
Рамон Х. Сендер — Магнит
Радуле М. Стийенский — Моя песня
Сергей Островский — Стихи
П. Павленко — Пограничное сражение на земле
Бруно Ясенский — Нос
Александр Жаров — Избранная лирика
П. Антокольский — Коммуна 71-го года
-